

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ЯВЛЕНИЮ ПОЛИЮРИДИЗМА

На примере Северного Кавказа*

Константин КАЗЕНИН

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института прикладных экономических
исследований Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (119571,
Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1).
E-mail: kz@iet.ru

Аннотация

В статье предлагается институциональный подход к феномену полиюридизма, то есть сосуществования различных правовых систем (или их элементов) в рамках одного социума. Показано, что современная институциональная теория может быть адекватным инструментом как для описания полиюридизма, так и для объяснения существования этого явления, в том числе в сфере хозяйственных отношений. Возможности институционального подхода к полиюридизму демонстрируются на конкретных примерах полиюридизма на современном Северном Кавказе. На основании полевых материалов автора показано, что действие элементов правовых систем, альтернативных российскому законодательству (исламского и традиционного права), в хозяйственной сфере Северного Кавказа носит весьма ограниченный характер. При этом сохранение конкретных норм, принадлежащих этим системам, может быть объяснено существованием бенефициаров и механизмов обеспечения действенности этих норм. Такой вывод иллюстрируется детальным анализом решения земельного вопроса в одном из сельских поселений нагорного Дагестана. **Ключевые слова:** институциональная экономика, право, полиюридизм, земельные отношения, Северный Кавказ.

Оікономія • Політика

ОΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Введение

Феномен полиюридизма (англ. — *legal pluralism*) стал предметом специального изучения в общественных науках с 1970-х годов. В самом общем понимании полиюридизм — это одновременное действие в некотором социуме двух или более правовых систем (или их элементов). Как правило, наряду с государственной законодательной системой действует правовая система, основанная либо на религиозных нормах, либо на этнических традициях.

Это явление стало отчетливо заметно в разных частях мира в XX веке, по мере возникновения новых государств в процессе деколонизации. Оказалось, что в этих странах нередко наблюдается весьма неожиданная «смесь» из государственных законов, отчасти копирующих юридическую систему бывшей страны-колониатора, норм местного традиционного права и религиозных норм. Удивительный для многих исследователей факт состоял в том, что такое сосуществование во многих случаях не ограничилось каким-то кратким переходным периодом, а привело к балансу разных правовых систем, к их длительному и достаточно стабильному совместному присутствию внутри одного социу-

ма. При этом во многих социумах сфера действия полиюридизма оказывалась весьма широкой: действие негосударственных правовых систем может наблюдаться не только в семейных отношениях (где это наиболее ожидаемо), но и, например, в регулировании земельного оборота, предпринимательской деятельности и т. п.

Сохранение полиюридизма и разнообразие его проявлений ставит вопрос о причинах его возникновения и длительного сосуществования разных правовых систем, несмотря на то что это сосуществование приводит к усложнению системы регулирования общественных отношений, а при определенных условиях — и к конфликтам. Перспектива разрешения этого вопроса, на мой взгляд, в значительной мере зависит от теоретической модели, принимаемой для описания полиюридизма. Цель настоящей статьи — предложить подход к полиюридизму на основе современной институциональной теории. Будет показано, что такой подход открывает перспективы для объяснения *динамики* полиюридизма, то есть его возникновения и последующих изменений. В качестве примера будут рассмотрены некоторые проявления полиюридизма на современном Северном Кавказе.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 представлен краткий обзор основных подходов к полиюридизму в научной литературе. В разделе 2 изложены основы институционального анализа полиюридизма. Раздел 3 содержит результаты имеющихся исследований полиюридизма на Северном Кавказе. В разделе 4 на основе полевых материалов автора описывается одно из проявлений северокавказского полиюридизма: феномен земельной реституции в Дагестане после распада СССР. Предлагается анализ этого явления в рамках институциональной теории. В заключительном разделе содержатся выводы о перспективах институционального анализа полиюридизма.

1. Основные подходы к изучению полиюридизма

Изучение феномена полиюридизма с самого начала носило междисциплинарный характер, находясь на стыке теории права, экономики, политологии и социологии. Тем не менее первые работы, посвященные полиюридизму, основное внимание уделяли его теоретико-правовым аспектам: полиюридизм исследовался как один из вариантов системы правовых отношений. Отметим, что такой подход сам по себе носил достаточно полемический характер. Авторы первых систематических исследований по полиюридизму, появившихся в 1970—1980-е годы, подчеркивали, что включение полиюридизма в сферу исследований по правоведению подрывает общепринятый на тот момент постулат о государстве как единственном источнике правовых норм¹.

---

¹ Работы, заложившие основу для исследований полиюридизма: [Griffiths, 1986; Moore, 1973; Smith, 1974].

В этой связи в рамках теоретико-правового подхода было проведено различие между *слабым* и *сильным* полиюридизмом. *Сильный полиюридизм* — это стихийно сложившееся сосуществование двух (или более) правовых систем в рамках одного общества. Как правило, одной из этих систем является государственное законодательство, а другие действуют помимо или даже против воли государства. Пример сильного полиюридизма — шариатские суды при тех арабских режимах, которые ввели светскую судебную систему (в частности, при правлении Хосни Мубарака в Египте [Dupret, 2006]). *Слабый полиюридизм* — это сосуществование различных правовых систем в одном обществе, утвержденное государством. Государство в этом случае само выступает «конструктором» такого усложненного варианта правовых отношений, при котором четко разграничены сферы действия различных систем права. Примером слабого полиюридизма можно считать систему так называемого военно-народного управления, действовавшую в некоторых частях Северного Кавказа во второй половине XIX — начале XX века. В рамках этой системы по одним делам судопроизводство велось по российскому законодательству, а по другим — по традиционному или исламскому праву, причем выбор «юрисдикции» был жестко регламентирован российскими государственными актами (подробнее см. ниже).

Теоретико-правовые исследования полиюридизма выявили ряд существенных проблем, касающихся определения границ данного явления. Эти проблемы касались прежде всего понятия закона (законодательной системы). Отсутствие четкого определения этого понятия создает риск предельно расширительного понимания полиюридизма. Осознание этой проблемы побуждало исследователей искать такие определения понятия «закон», которые не вели бы к неоправданному расширению его границ, но и не считали бы государство единственным источником закона. В ряде работ было предложено увеличить число возможных источников законодательных систем, признав, что наряду с государством таковыми могут быть сословия, профессиональные сообщества и другие социальные группы. Майкл Смит [Smith, 1974] обозначает такие группы термином «корпорации», Сэлли Мор [Moore, 1973] — термином «полуавтономные структуры», Леопольд Посписил [Pospisil, 1967] говорит об «уровнях законодательства», соответствующих группам разного масштаба в иерархической структуре социума.

Другие подходы к полиюридизму определяют закон не через его источники, а, так сказать, «антропологическим» путем: закон — это «то, что люди понимают в качестве закона» (*law-recognised-as-such*). Данная трактовка, представленная в работах Брайана Таманаха (см., например: [Таманаха, 2000]), по существу, привязывает статус некоторого правила как правовой нормы к тому, как члены сообщества именуют данную норму. Соответственно, полиюридизм возникает тогда, когда люди называют «законом» одновременно две или несколько правовых систем (или их элементы). В работах Франца и Кебета

Бенда-Бекманн [Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K., 2001] предлагается более сложный подход к понятию закона, основанный на нескольких диагностических признаках. Среди таких признаков: (1) степень институционализации некоторой нормы (под институционализацией в данном случае понимается наличие в обществе организаций, обеспечивающих выполнение данной нормы); (2) наличие в социуме юридического знания как отдельной отрасли науки; (3) письменная фиксация нормы. В целом можно сказать, что в современных исследованиях полиюридизма закон реже определяется через его источники, а чаще — через его восприятие и роль в социуме.

Другая проблема описания полиюридизма в рамках теоретико-правового подхода к этому явлению состоит в том, какой «объем» параллельно существующих законодательных норм позволяет говорить о наличии полиюридизма. Многочисленные исследования показали, что ситуация, когда в социуме в полном объеме действуют хотя бы две правовые системы — например, государственное законодательство и исламское право (шариат), — является достаточно редкой. Гораздо чаще есть основания говорить о сосуществовании отдельных элементов разных правовых систем².

В исследованиях, проводимых не с теоретико-правовых, а с социально-экономических или политологических позиций, на первый план выходят иные аспекты полиюридизма. В таких исследованиях он рассматривается как результат борьбы разных общественных слоев или групп за контроль над теми или иными активами. Инструментом в этой борьбе может стать насаждение разными сторонами разных правовых норм, каждая из которых максимально выгодна тому, кто ее «продвигает». Работы, выполненные в рамках политико-экономического подхода, как правило, нацелены не на то, чтобы предложить некую общую теорию полиюридизма, а на то, чтобы проанализировать конкретные случаи полиюридизма в качестве результата конфликта политических или экономических интересов.

Конфликт интересов как база возникновения полиюридизма достаточно хорошо изучен, например, в работах по полиюридизму в разных регионах Индонезии (см.: [Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K., 2001]). В частности, исследуется система регулирования земельных отношений в сельской местности Индонезии с особым вниманием к так называемым *ulayat* — землям, находящимся вокруг деревень и, согласно нормам традиционного права (адатам), управлявшимся деревенским советом старейшин. Эти земли, по адатам, могли предоставляться в пользование только жителям данного села. Право пользования передавалось по наследству по материнской линии, а через несколько поколений наследники могли вместо права пользования получить

---

² Например, суды ряда африканских стран, помимо положений государственного законодательства, могут избирательно использовать отдельные нормы из местных систем обычного права; см.: [Woodman, 2010].

право владения *ulayat*. В XIX веке, когда большая часть территории Индонезии находилась в колониальной зависимости от Нидерландов, колонизаторы первоначально уважали режим пользования этими землями, основанный на адатах, однако начиная с 1870-х годов большое количество *ulayat* было передано ими крупным агропромышленным компаниям. После обретения Индонезией независимости в результате Второй мировой войны государственная власть не допустила возвращения *ulayat* под контроль сельских общин. Однако в ходе демократизации, начавшейся в Индонезии после отставки президента Сухарто в 1998 году, борьба крестьянства за восстановление прав на сельские земли, находившиеся под контролем государства, шла под лозунгом восстановления земельного регулирования на основе традиционного права (адатов). В деревнях возрождалась традиционная система управления. В ряде случаев деревенские советы договаривались с компаниями о получении долей в производствах, которые были размещены ранее на землях *ulayat*. Одновременно в суды подавались иски о признании незаконными сделок, совершенных государством с *ulayat*, а некоторые фермеры явочным порядком начинали обработку этих земель. В конце концов государство вынуждено было признать, хотя и с определенными оговорками, тот статус *ulayat*, который задан нормами традиционного права. Соответствующие поправки были внесены в 2008 году в законодательство одной из индонезийских провинций — Западной Суматры. История борьбы вокруг статуса *ulayat*, до сих пор, по-видимому, не оконченная, связана в первую очередь с борьбой за право распоряжаться этими землями между сельскими общинами, с одной стороны, и государством и крупными компаниями, с другой. Требование восстановления норм традиционного права в этой борьбе служило интересам крестьянства.

В других случаях борьба за действие той или иной правовой системы в той же Индонезии была связана не с экономическим, а с политическим конфликтом. Ахмед Салим [Salim, 2009] показывает, что борьба за признание государством расширенных полномочий шариатских судов в провинции Ачех, также начавшаяся после отставки Сухарто и в целом завершившаяся успехом поборников шариата, велась политическими силами, заинтересованными в максимальной автономии данной провинции. Таким образом, правовая система, действующая на некоторой территории, становится гарантией того политического статуса территории, которого добиваются адепты данной правовой системы.

В результате социально-экономических и политологических исследований полиюридизма за последние три десятилетия было накоплено достаточно много данных и сформулированы гипотезы о причинах возникновения этого феномена в тех или иных конкретных исторических условиях. Однако не было предложено какой-либо единой системы понятий, которая могла бы стать основой для описания полиюридизма как общественного явления. На данный момент имеется достаточная теоретическая база для изучения полиюридизма лишь

как объекта правоведения. Но уже приведенных примеров достаточно для понимания того, что не все значимые свойства полиюридизма связаны с его теоретико-правовым статусом. Именно по этой причине ниже мы рассмотрим возможность применения институциональной теории для исследования полиюридизма в тех его аспектах, которые выходят за пределы теории права.

2. Основные задачи институционального анализа полиюридизма

До сих пор явление полиюридизма не получило какого-либо систематического рассмотрения в рамках институциональной теории. В современных общественных науках исследования институтов и исследования полиюридизма почти не пересекаются. Вместе с тем многие явления, с которыми приходится иметь дело при изучении феномена полиюридизма, в немалой степени подобны тем, что уже на протяжении длительного времени составляют постоянный предмет рассмотрения у институционалистов.

При институциональном подходе к полиюридизму³ сосуществующие в одном социуме нормы разных правовых систем рассматриваются как институты. На основе классификации институтов и подхода к их динамике, имеющихся в институциональной теории, можно охарактеризовать каждую такую норму как минимум по следующим параметрам.

1. *Относительный «возраст» нормы по отношению к сосуществующим нормам, способы ее фиксации (формальный или неформальный).* При характеристике правовых норм по этим признакам необходимо учитывать хронологию их появления в изучаемом социуме и то, в какой форме (письменной, устной) их содержание доступно членам сообщества. Отметим, что при характеристике правовой нормы как новой или старой могут возникнуть определенные проблемы, в том числе и на Северном Кавказе, где, например, шариатские нормы, действовавшие до 1917 года и в первые годы советской власти, к началу 1930-х годов прекратили действие почти во всех сельских сообществах, но были возрождены после распада СССР. Поскольку предметом данной статьи является «свежая», в первую очередь постсоветская, динамика правовых систем, более новой будет считаться та норма, непрерывный срок действия которой, доходящий до настоящего времени, короче.

2. *Механизм обеспечения действенности правовой нормы и ограничения карательных функций (в случае силового механизма обеспечения).*

3. *Бенефициары правовой нормы.*

Базовая гипотеза, проверяемая ниже, состоит в том, что в любой ситуации полиюридизма сосуществующие нормы разных правовых

---

³ Развиваемый здесь подход основан на ключевых положениях современной институциональной теории, представленных в работах: [Норт, 1997; Acemoglu et al., 2004; Greif, 2005; Grossman, Hart, 1986; North, 1990; Pejovich, 1996].

систем не совпадают по «возрасту», а также различаются механизмами обеспечения действенности и/или бенефициарами. Возникновение полиюридизма, по нашему предположению, возможно, если в социуме имеется бенефициар действия некоторой нормы правовой системы, альтернативной государственному законодательству, и у этой нормы как у института есть механизм обеспечения действенности. Как будет показано ниже, именно такая ситуация наблюдается, по крайней мере для некоторых случаев полиюридизма, на Северном Кавказе в настоящее время.

3. Полиюридизм на Северном Кавказе: краткий обзор

Феномен полиюридизма на Северном Кавказе достаточно подробно описан в работах историков и этнографов-кавказоведов (см.: [Албогачиева, 2012; Бобровников, 2009; Северный Кавказ., 2007; Павлова, 2012; Карпов, Капустина, 2011; Магомедсалихов, 2012]). Они уделяют приоритетное внимание процессу формирования той культурной среды, в которой сосуществуют несколько правовых систем. Были исследованы как целые северокавказские регионы [Павлова, 2009; Штырков, 2012], так и отдельные сельские общины [Капустина, 2012; Соколов, 2013]. Изучение северокавказского полиюридизма, как правило, носит исторический характер, то есть исследователи в первую очередь задаются вопросом о том, в результате каких исторических причин в изучаемых ими социумах оформилось сосуществование разных правовых систем. Выделяются три важнейших этапа формирования полиюридизма на Северном Кавказе.

1. *Возникновение так называемого военно-народного управления после российского завоевания во второй половине XIX века.* Стержневой идеей военно-народного управления было жесткое разделение сфер действия разных юрисдикций: некоторые стороны жизни населения завоеванных территорий регулировались правовыми системами, действовавшими до утверждения российской власти (шариатом и традиционным правом — адатом), а некоторые — российским законодательством. Согласно М. Л. Бабич и В. О. Бобровникову [Северный Кавказ., 2007], наиболее жизнеспособной система военно-народного управления оказалась в Дагестане, где она существовала вплоть до 1917 года, наиболее эфемерной — на Западном Кавказе. Конкретные границы сфер действия разных правовых систем могли меняться от одной территории к другой. Например, в Дагестане по адату рассматривались дела по мелким уголовным правонарушениям, а также поземельные и хозяйственные споры. По шариату рассматривались гражданские иски, в том числе связанные с конфликтами между членами семьи, бракоразводные процессы, споры по завещаниям и по мечетной собственности (вакфам). Случаи же убийств, грабежей, хищений казенного имущества, бунтов и неповиновения властям передавались в ведение военных властей. Тем самым военно-народное управление, по крайней

мере по своему замыслу, представляет собой случай слабого полиюридизма с единой системой обеспечения действенности институтов.

2. *Формирование новой системы полиюридизма после утверждения на Северном Кавказе советской власти в 1920 году* [Агларов, 2009; Албогачиева, 2012. С. 155—165; Сулаев, 2009. С. 35—48]. Данный этап характеризовался первоначальным расширением сферы действия шариатского правосудия при поддержке молодого советского государства. Однако во второй половине 1920-х годов государство начало планомерное наступление на «альтернативное правосудие», сопровождавшееся репрессиями в отношении авторитетных исламских религиозных деятелей. Система негосударственного правосудия была свернута.

3. *«Ренессанс» полиюридизма после распада СССР*. В литературе достаточно подробно описано возрождение шариатского правосудия в региональном масштабе, через республиканские шариатские суды в Ингушетии и Чечне [Албогачиева, 2012. С. 163—165; Рошин, 2009]. В Дагестане этот процесс лучше изучен на уровне отдельных сел, что связано, видимо, с большой раздробленностью дагестанского ислама и с отсутствием там единого центра мусульманского правосудия. Один из важных выводов, содержащихся, в частности, в работах В. О. Бобровникова, состоит в том, что в первые постсоветские годы в селах Дагестана шло не столько возобновление имевшихся ранее, сколько «изобретение» новых традиций, основанных на некоем симбиозе норм, сформировавшихся в колхозную эпоху, и шариатских норм в том виде, как их представляли тогда жители Дагестана, на протяжении десятилетий оторванного от центров исламского правоведения.

И степень распространения, и характер полиюридизма на современном Северном Кавказе резко различаются от региона к региону. Можно выделить следующие основные параметры различий.

1. *Состав правовых систем*. В восточных регионах Северного Кавказа (Дагестане, Ингушетии, Чечне) наряду с нормами российского законодательства действуют элементы как исламского права, так и традиционного права (адата). Исследователи отмечают, что в указанных регионах эти нормы нередко настолько тесно переплетены, что провести границы между ними на практике достаточно сложно: действует некий симбиоз норм, восходящих к этим двум системам. На западном Кавказе (в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) использование шариата, по крайней мере за пределами семейных отношений, является достаточно экзотической практикой, при этом определенные вопросы, в частности в сфере землепользования, решаются с применением норм традиционного права.

2. *Организация альтернативного правосудия*. Здесь достаточно яркой представляется разница между Ингушетией и Чечней, с одной стороны, и Дагестаном, с другой. В двух первых республиках действует централизованная система разрешения спорных вопросов на основе шариата, созданная под эгидой республиканских Духовных

управлений мусульман. В Дагестане же имеется большое количество конкурирующих центров шариатского правосудия. Они основаны преимущественно на авторитете отдельных духовных лидеров или ученых и могут действовать в масштабе села, района, группы районов, этноса (субэтноса) и т. п.

3. *Конкретные сферы, в которых действуют элементы правовых систем, альтернативных государственному законодательству.* Здесь сходства и различия между регионами недостаточно изучены, и, возможно, сопоставлять следует не только целые регионы, но и меньшие территории. Например, очевидно большее влияние исламского права в семейной сфере и в земельных отношениях в горных районах Дагестана, населенных аварцами и родственными им народами, по сравнению с южной частью Дагестана.

4. Земельная реституция в Дагестане: попытка институционального анализа

В данной главе будет рассмотрено взаимодействие институциональных регуляторов в условиях земельной реституции, то есть организованного восстановления прав на землю лиц, имевших эти права до перераспределения земли, или их потомков. В постсоветское время на Северном Кавказе феномен земельной реституции, хотя и не наблюдался повсеместно, но был достаточно распространен⁴. Во всех случаях речь шла о восстановлении земельной собственности, утраченной в период коллективизации.

Сам по себе процесс реституции в Российской Федерации предполагает действие неформальных правовых механизмов, поскольку российское законодательство не предусматривает восстановление земельных прав, утраченных в советское время. Тем самым любой случай реституции в Российской Федерации автоматически становится проявлением полиюридизма. При этом, как показало исследование, реальный опыт проведения реституции продемонстрировал не только силу, но и слабость регуляторов, основанных на негосударственных правовых системах. Реституция не привела к полному восстановлению тех регуляторов земельных прав, которые существовали до коллективизации. Лишь часть земель удалось распределить в соответствии с правилами, действовавшими в доколхозный период. По тем или иным причинам на прочие земли «реституционное» регулирование не распространилось, их судьба была определена иными правовыми механизмами. Поэтому о конкуренции институциональных регуляторов позволяет говорить не только сам факт проведения реституции, но и особенности ее хода и ее итогов.

Наибольшее распространение феномен земельной реституции в постсоветское время получил в Дагестане. В настоящей статье рас-

---

⁴ Об опыте земельной реституции в некоторых селах Дагестана см.: [Соколов, 2012; 2013].

смотрена земельная реституция в селе Ботлих Ботлихского района⁵. Отличительной особенностью этого села является большая рыночная привлекательность земель в его окрестностях: в этой местности хорошо растут абрикосы и при наличии достаточного земельного надела их можно выращивать на продажу, со сбытом в других районах Дагестана или даже в других частях России, чем и занимается в настоящее время в Ботлихе значительная часть трудоспособного населения. Рыночный спрос на землю под застройку также выше, чем в большинстве окрестных сел, поскольку в данное село идет достаточно активная миграция из соседних местностей.

Кратко охарактеризуем систему землепользования, доминировавшую в горах Дагестана, в частности действовавшую в Ботлихе, до начала советских земельных преобразований. Все земли, которые можно было использовать в сельскохозяйственных целях или под застройку, были закреплены за той или иной сельской общиной. Продажа или сдача в аренду земель лицам, не входящим в сельскую общину, которая этими землями распоряжалась, были запрещены и жестко наказывались. В ряде сел житель, продавший землю или сдавший ее в аренду «чужаку», штрафовался за каждый день нахождения этой земли в «неправильной» собственности [Мамсуров, Мамсурова, 2011. С. 66—81]. В некоторых селах действовали местные нормы традиционного права (адаты), которые требовали, чтобы продавец или арендодатель сначала предложил землю членам своего рода (тухума) и лишь в случае их отказа — другим односельчанам.

Земли делились на три категории, носившие арабские названия: *мулки*, или *милки* (участки в частной собственности сельчан), *вакфы* (участки в собственности мечети; они обычно предоставлялись в пользование кому-либо из сельчан, который был обязан перечислять часть дохода от этой земли в пользу мечети) и *харимы* (неотчуждаемая общинная собственность). Как отмечает Ю. Ю. Карпов, в силу описанных выше ограничений на продажу и сдачу в аренду *мулки* можно лишь условно рассматривать как частную собственность (см.: [Карпов, 2010]). *Мулки* передавались жителям села по наследству. Также разрешалось завещать землю мечети (в этом случае *мулк* становился *вакфом*) или же общине (в этом случае *мулк* становился *харимом*). *Вакфы* в основном формировались именно из завещанных или подаренных мечети земель. Что касается *харимов*, то их основу составляли общинные пастбища и выгоны для скота. В досоветское время часть *харимов* могла сдаваться в аренду малоимущим представителям общины, чтобы они могли иметь с этой земли какой-то доход. Но продажа (в том числе и членам сельской общины) земель, входивших в состав *харимов*, не разрешалась.

⁵ Село Ботлих находится в западной части нагорного Дагестана и является центром Ботлихского района. Население — 12 159 человек (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года). Приводимые здесь данные о земельной реституции были получены в ходе полевой работы автора в данном селе в 2013—2014 годах. В процессе работы было проведено 20 углубленных интервью с жителями Ботлиха.

Распределение разных по типу использования земель между *мулками* и *харимами* в конкретных селах могло различаться. Пастбища почти всегда относились к общинным землям (*харимами*), сенокосы в некоторых селах были общие (тогда их участки каждый год перераспределялись по жребию), а в некоторых — закреплены за частными владельцами. Другой вариант использования общинных земель — выдача их во временное пользование нуждающимся членам общины, которые могли использовать полученный участок и для сельского хозяйства, и для строительства дома. В категорию *вакфа* могла попасть любая земля, приносящая доход. Описанная система представляет собой определенный симбиоз норм исламского и традиционного права: статус общинных и мечетских земель основан на нормах шариата, а запрет на продажу частных земель лицам, не входящим в сельскую общину, содержится не в исламском праве, а лишь в традиционных дагестанских правовых нормах. Это подтверждает выдвигаемый исследователями тезис о тесном переплетении этих двух правовых систем в Дагестане [Магомедсалихов, 2012. С. 98—104].

Система землепользования, основанная на таком тройственном разделении земель, существовала и в Ботлихе. В советское время, когда в селе функционировал колхоз, она была разрушена, как и в большинстве других сел Дагестана. Вместе с тем в селе, по свидетельству местных жителей, сохранились документы, отражающие распределение земель до образования колхоза.

Восстановление доколхозной системы землепользования началось в Ботлихе в первые годы после распада СССР. В основе этого процесса лежало возвращение частных земель потомкам их доколхозных владельцев, а также частичное восстановление статуса земель других категорий. Возвращение земель доколхозным владельцам, как уже было отмечено, не предусматривалось законодательством Российской Федерации. Оно осуществлялось на базе альтернативных правовых норм. Использование этих норм не было официально санкционировано государством, то есть налицо случай сильного полиюридизма (см. об этом понятии раздел 1). Опора на эти нормы в решении земельного вопроса не влекла за собой отказ от следования российскому законодательству в других сферах и признание шариата или традиционного права глобальным общественным регулятором. Поэтому рассматриваемый случай подтверждает, что в ситуации полиюридизма в одном социуме возможно сосуществование отдельных элементов разных правовых систем (а не только разных правовых систем в полном объеме). С учетом высокой рыночной стоимости земли в Ботлихе можно констатировать, что элементы правовой системы, альтернативной российскому законодательству, были задействованы в этом селе для решения вопросов, связанных с непосредственной материальной заинтересованностью населения.

Отмечу также, что вводившаяся в селе после распада СССР система регулирования земельных отношений, судя по полевым материалам

автора, воспринималась жителями именно как система, основанная на неких правовых нормах, существовавших прежде. Значит, рассматриваемый случай соответствует тому пониманию полиюридизма, которое требует, чтобы каждая из действующих в социуме правовых систем осознавалась членами этого социума именно как законодательная система (*law-recognized-as-such*; см. раздел 1). При этом нормы, вытекающие из исламского права, выступали как «формальные», хотя и не утвержденные государством институты: они были известны жителям села как письменно зафиксированные в шариатских источниках. Таким образом, земельная реституция в Ботлихе должна рассматриваться как случай полиюридизма даже на фоне «сужений» этого понятия, характерных для литературы по теории права (см. раздел 1).

Постсоветское восстановление «старых» земельных отношений шло на фоне такой ситуации внутри села, которая никоим образом не копировала ситуацию накануне создания колхоза. Состав населения Ботлиха к началу постсоветской земельной реституции был таков, что на восстановление своих «старых», «наследственных» прав на землю могли рассчитывать далеко не все проживающие в селе. В последние десятилетия существования СССР в Ботлихе шла активная миграция жителей других населенных пунктов этой части нагорного Дагестана, обусловленная открытием в Ботлихе нескольких крупных фабрик, а также функционированием в селе управленческих структур Ботлихского района. Позднее, в 2000-е годы, эта миграция усилилась также за счет размещения в Ботлихе межрайонных структур многих ведомств и строительства военного городка Минобороны РФ (завершенного в 2007 году). Точных данных о количественном соотношении в постсоветский период коренных и некоренных ботлихцев нет, однако, по оценкам самих жителей села, доли тех и других в настоящее время примерно равны. Восстановление в начале 1990-х годов «старой» системы распределения земли и последующее сохранение этой системы соответствовали интересам коренного населения Ботлиха, но очевидно не соответствовали интересам тех, кто переехал в село в советское и постсоветское время. Таким образом, действие элементов традиционного и исламского права как институциональных регуляторов в земельной сфере имело ограниченное количество бенефициаров: таковыми были потомки коренных жителей села (именно их мы будем обозначать ниже термином сельская община).

Ограниченность числа бенефициаров делает особенно актуальным вопрос о механизмах обеспечения действенности в селе институтов, основанных на исламском и традиционном праве. В условиях, когда действие этих институтов не соответствует интересам значительной части населения, такие механизмы должны обладать высокой степенью эффективности. Ниже будет рассмотрено их действие для двух правовых типов земель — частных и общинных (вопрос о судьбе вакуфных земель в постсоветское время в этой статье опущен по соображениям объема). Как будет показано, действенность рассматриваемых

институтов оказалась достаточной для восстановления «старых» прав на частные земли, но недостаточной для возрождения прежнего, доколхозного статуса общинных земель.

Вопросами возвращения коренным ботлихцам частных земель ведала сельская комиссия под председательством имама местной мечети. Решение о порядке наделения жителей сел участками и о создании этой комиссии было принято на сельском сходе в 1991 году. В том сходе участвовали только коренные ботлихцы, и распределять участки, согласно решению схода, можно было только между ними. На сходе было решено, что каждой семье коренных ботлихцев полагается земля сельскохозяйственного назначения общей площадью минимум в 25 соток, а взрослому человеку, не имеющему семьи, — 12,5 соток. Если родовые земли, которые возвращались человеку, больше или равны этой площади, то никаких других земель он не получал. Если же площадь возвращенных родовых земель была менее 25 соток, то семье выдавалась земля на общинных землях (*харим*), с тем чтобы общая площадь равнялась 25 соткам.

Если у умершего владельца некоторого участка частной земли к моменту начала процедуры реституции имелись несколько наследников, то судьба участка решалась на основе норм шариата: при наличии у умершего детей (внуков) участок делился между ними, в ином случае — между родными братьями и сестрами (или их потомками), если и таковых не было — между двоюродными братьями и сестрами (или их потомками); при этом в каждой такой очереди наследники мужского пола получали вдвое больше, чем наследники женского пола.

Однако проблемы в ходе реституции возникали не только в связи с разделом земли между наследниками. Требовалось также урегулирование отношений между теми, кто получал землю по праву наследства, с одной стороны, и теми, кто имел эту землю в пользовании в колхозное время, — с другой (колхоз в Ботлихе в 1970—1980-е годы регулярно раздавал сельским жителям участки для садоводства; они могли быть выданы на чужих родовых землях). Денежная компенсация тем, кто пользовался землей в советское время, а затем отдал ее «родовым» владельцам, не выплачивалась. Могли иметь место договоренности трех типов. Во-первых, наследники выкупали у пользователей их участка находящиеся там постройки, вносили плату за деревья, получая при этом саму землю бесплатно. Во-вторых, пользователь выкупал землю у наследников. В-третьих, между пользователем и наследником происходил обмен родовыми землями: наследник уступал свой родовой участок пользователю, но родовой участок пользователя переходил к наследнику.

Спорные вопросы, возникавшие в ходе таких процедур, разрешал имам мечети (в случае, если стороны не могли разрешить спор самостоятельно). Прецедентов обращений в российские судебные органы по вопросам, связанным с земельной реституцией, в селе не было. Сельская администрация также не обладала самостоятельной ролью

в решении вопросов о земельных участках, а лишь фиксировала достигнутые договоренности, оформляя земли в аренду на 49 лет или в пожизненно наследуемое владение. То есть решения, полученные на базе исламского и традиционного права, фиксировались по российскому законодательству. На сегодняшний день можно утверждать, что вышеописанный механизм в целом позволил успешно провести земельную реституцию: примерно 70% земельных участков получили новых хозяев — наследников тех, кто владел ими до образования колхоза. Это показывает, что механизмы разрешения споров, возникающих при реституции, в целом оказались работоспособными.

Обратимся теперь к судьбе общинных земель в ходе реституции. Как уже было сказано, земельная комиссия под председательством имама мечети, начавшая работать в Ботлихе в 1991 году, раздавала на этих землях участки для садоводства и для застройки тем коренным ботлихцам, которые не имели родовых земель или имели их в количествах ниже определенной нормы. Всего, по оценкам респондентов, участки на общинных землях получили около 300 семей. Напомним, что исламские правовые нормы, определяющие статус общинных земель, исключали их продажу, а также передачу в пользование лицам, не входящим в данную сельскую общину. Этот запрет, однако, был в скором времени нарушен: многие из тех, кто получил участки на общинных землях, впоследствии их продали, причем покупателями, как правило, были жители других сел, переселявшиеся в Ботлих.

Опрошенные жители Ботлиха свидетельствуют о том, что в настоящее время ботлихская сельская община не может влиять на оборот земельных участков, находящихся на общинных землях. Община в определенной мере контролирует лишь «ввод» этих участков в оборот: в 2003 году на сходе жителей села было принято решение не выдавать больше участков под индивидуальное жилищное строительство на территории сельского поселения, и сельская администрация выполняет это решение. Однако судьбу уже выданных участков ботлихская община не контролирует, и они продолжают продаваться, в нарушение норм исламского права. Не может повлиять на ситуацию с использованием этих земель и имам села. Обращений в мечеть по тем или иным вопросам, связанным с общинными землями, практически нет, в чем их явное отличие от частных земель, споры о которых регулярно рассматриваются в мечети. На это, возможно, влияет то обстоятельство, что в настоящее время на общинных землях, заселенных в основном некоренными жителями села, действует мечеть, «альтернативная» центральной ботлихской мечети.

Итак, в случае частных земель можно видеть соблюдение норм, не связанных с российским законодательством, а в вопросе об общинных землях — регулярный отход от этих норм. При этом бенефициар действия указанных норм в обоих случаях имеется: это коренные ботлихцы. С точки зрения институциональной теории это заставляет предположить, что в случае частных земель имеются достаточные механизмы

обеспечения действенности норм, а в случае общинных земель — нет. Примечательно, что относительно и частных, и общинных земель нет способов силового принуждения к соблюдению вышеописанных норм. Респонденты признают, что если бы, например, сельский житель, получивший в советское время участок на родовых землях своего односельчанина, отказался отдавать этот участок, каких-либо прямых мер воздействия на нарушителя, кроме «проклятия», ни у кого бы не было. Однако между ситуацией с общинными землями и ситуацией с частными землями имеются различия, которые способствуют соблюдению норм относительно частных, но не общинных земель.

1. *Возможность разрешения спорных вопросов.* При решении спорных вопросов, связанных с частными землями, имелся признанный всеми заинтересованными сторонами авторитет, который разбирает спорные случаи, а именно — имам мечети, полномочия которого были признаны коренными ботлихцами. В случае же сделок с общинными землями такого авторитета, признанного всеми участниками сделок, не было. Переселенцы в Ботлих из других сел в основном не вливались в число прихожан местной мечети (объем и задачи данной статьи не позволяют нам подробно обсуждать вопрос о том, почему это происходило; отметим лишь, что причины могли как иметь этнический характер, так и быть связанными с некоторыми аспектами вероучения). Сейчас в той части села, где на общинных землях концентрируются переселенцы, действует своя мечеть, имам которой — также не коренной ботлихец. Кто-либо из коренных жителей Ботлиха мог заявить о том, что считает продажу общинных земель своего села незаконной, но во всех этих сделках в качестве покупателей участвовали переселенцы из других сел и отсутствовала такая «инстанция» по разрешению спорных вопросов, которая признавалась бы и ими, и коренными жителями.

2. *Коммерческая привлекательность земель.* Стоимость земельных участков в Ботлихе в течение последних десяти лет претерпевала значительные изменения, однако, по имеющимся данным, средняя стоимость участков под застройку во все периоды кратно превосходила стоимость садовых земель. Таким образом, материальная выгода от нарушения ограничений на свободную продажу этих двух типов земель оказывалась разной. Коренной ботлихец, в нарушение религиозных норм продавший участок, выданный ему на общинной земле, получал больший доход, чем его односельчанин, который продал бы выданный ему в советское время садовый участок вместо возвращения его прежнему владельцу. То есть нормы правовой системы, альтернативной государственному законодательству, оказались менее устойчивыми там, где их нарушение вело к большему доходу.

3. *Вероятность внутриобщинного конфликта в случае нарушения ограничений.* В вопросах восстановления прав на частные земли все заинтересованные стороны принадлежат к общине коренных ботлихцев. Поэтому конфликты, связанные с невозвратом этих земель прежним

владельцам, затрагивают взаимоотношения между индивидами внутри общины, в отличие от продаж общинных земель приезжим. Община коренных ботлихцев в условиях продолжающейся миграции в село предпринимает усилия для сохранения своей внутренней организованности и единства, что рассматривается как необходимое условие для защиты интересов коренного населения, обеспечения его достаточного присутствия в сельских органах местного самоуправления и т. п. [Карпов, 2007]. Следовательно, целостность общины может рассматриваться коренными ботлихцами как нечто соответствующее их интересам. Признание же норм традиционного права в вопросе о частных землях позволяет избежать внутриобщинных конфликтов, чем также может объясняться соблюдение жителями этих норм.

Таким образом, действенность норм, не имеющих силового обеспечения, может объясняться факторами, создающими заинтересованность (или в случае недейственности норм — незаинтересованность) индивидов в соблюдении этих норм. Это позволяет говорить о косвенных, несиловых механизмах обеспечения действенности институтов. Заинтересованность (или незаинтересованность) в определенном институте может иметь характер экономический (стоимость земли), политический (сохранение единства общины) или быть связана с особенностью применения самого института (возможность рассмотрения спорных вопросов). Вследствие несилового характера обеспечения действенности институтов механизмы ограничения карательных функций не требуются. Очевидно также, что у действующих в земельной сфере правовых норм имеются бенефициары, но наличие бенефициара той или иной правовой нормы автоматически не делает эту норму действующей: действенность зависит также от механизмов обеспечения⁶.

Подведем итог. В данном разделе было рассмотрено одно из проявлений полиюридизма на современном Северном Кавказе: использование норм исламского и традиционного права в земельных отношениях в одном из дагестанских сел. Выяснилось, что действие этих норм не является всеобъемлющим, а распространяется лишь на отдельные аспекты земельных отношений. Институциональный подход к феномену полиюридизма позволяет объяснить действие (или недействие) норм, не основанных на государственном законодательстве, наличием механизмов обеспечения действенности.

---

⁶ Тот факт, что наличие бенефициара является необходимым условием соблюдения в социуме некой институциональной нормы в условиях полиюридизма, подтверждается полевыми данными автора по другим селам Дагестана, которые будут представлены в дальнейших публикациях. Эти данные предварительно позволяют утверждать, что элементы религиозного права в земельных отношениях действуют в основном в тех случаях, когда земля представляет собой рыночную ценность. Если рыночная привлекательность земли в селе невелика (в силу неблагоприятных климатических условий для ведения сельского хозяйства, в случае земель под застройку — при отсутствии миграции в село и потребности в новых участках), то, как правило, исламские нормы в регулировании земельных отношений проявляются гораздо слабее. Эти нормы, как и в случае, описанном в данном разделе, гарантировали бы земельные права коренных жителей села, но последние не являются заинтересованным бенефициаром в силу низкой привлекательности земельного «актива».

В заключение стоит отметить, что изложенные наблюдения над особенностями полиюридизма в исследуемом дагестанском селе опровергают представление о том, что состав институтов всегда обеспечивает оптимальные условия для развития экономики (см. выше). Обнаруженные институциональные ограничения на оборот частных сельхозземель очевидно не оптимальны для развития на этих землях садоводства, поскольку не позволяют сторонним для села предпринимателям приобрести эти земли и инвестировать в аграрное производство на них. Ограничение круга инвесторов представителями местной сельской общины не является оптимальным условием экономического развития. Однако это ограничение имеет «поддержку» институционального характера.

Выводы

В данной статье предложен подход к феномену полиюридизма, основанный на современной институциональной теории. Ключевыми в рамках этого подхода являются такие атрибуты институтов, как бенефициары и механизмы обеспечения действенности. Основываясь на этих атрибутах, автор предложил объяснение возникновению одного из видов полиюридизма в земельных отношениях на современном Северном Кавказе — полиюридизма, проявляющегося через реституцию прав на землю.

Рассмотрев реституцию в одном из сел нагорного Дагестана, автор обнаружил, что в той системе регулирования земельных отношений, которая имеется в данном селе, нормы исламского и традиционного права играют ключевую роль, что позволяет говорить о сосуществовании этих норм с нормами российского законодательства в данном сельском социуме, то есть о полиюридизме. Однако роль негосударственных правовых норм в земельной сфере оказалась жестко ограниченной: они действуют только там, где у этих норм есть как бенефициар, так и механизмы обеспечения действенности (пусть и косвенные).

Данный пример, по мнению автора, демонстрирует возможности институционального анализа полиюридизма: этот анализ способен не просто констатировать действие в социуме элементов разных правовых систем, но и объяснить границы их действия. Такой подход мог бы позволить прогнозировать динамику этих границ при рассмотрении ее как результата изменений состава бенефициаров и трансформаций механизмов обеспечения действенности. Таким образом, институциональная теория открывает новые горизонты перед исследованием полиюридизма, в том числе в социально-экономической сфере. В настоящей статье рассмотрены основные черты институционального анализа полиюридизма и проиллюстрированы возможности такого анализа. Оценка возможностей институционального подхода к полиюридизму на более широкой эмпирической базе — задача дальнейшего исследования.

Литература

1. *Агларов М. А.* Сельская община под реформами XIX — первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / Под ред. В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2009. С. 26—39.
2. *Албоачиева М. С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 142—208.
3. *Бобровников В. О.* Правовой плюрализм дагестанского адата // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / Под ред. В. О. Бобровникова. М.: Марджани, 2009.
4. *Капустина Е. Л.* Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 32—60.
5. *Карпов Ю. Ю.* Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения / Под ред. С. А. Штыроква. СПб.: Наука, 2007. С. 5—74.
6. *Карпов Ю. Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л. И. Лаврова / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 121—187.
7. *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.
8. *Магомедсалихов Х. Г.* Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана: традиции и трансформация в период советской модернизации. Махачкала: Алеф, 2012.
9. *Мамсуров Ш. М., Мамсурова А. Г.* Социально-экономическое и политическое развитие северо-западного Дагестана в конце XVIII — первой половине XIX века (на примере Салатавского союза сельских общин). Махачкала, 2011. С. 66—81.
10. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6—17.
11. *Павлова О. С.* Ингушский этнос на современном этапе (черты социально-психологического портрета). М.: Форум, 2012.
12. *Роцин М. А.* Ислам в Чечне // Ислам в Европе и в России / Под ред. Е. Д. Деменцевой. М.: Марджани, 2009. С. 215—229.
13. Северный Кавказ в составе Российской Империи / Под ред. В. О. Бобровникова, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
14. *Соколов Д. В.* Затопленный мир койсубулинцев: Электричество в обмен на абрикосы // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 61—90.
15. *Соколов Д. В.* Конкуренция социально-экономических укладов: джамаат против колхоза // Двадцать лет без колхозов / Под ред. Д. В. Соколова, Х. Г. Магомедова. М.: РАМСОМ, 2013. С. 7—30.
16. *Сулаев И. Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917—1991 гг.). Махачкала, 2009.
17. *Штырков С. А.* Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской АССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю. Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 209—246.
18. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // National Bureau of Economic Research Working Papers. 2004. No 10481.

19. *von Benda-Beckmann F., von Benda-Beckmann K.* Myths and Stereotypes about Adat Law: A Reassessment of Van Vollenhoven in the Light of Current Struggles over Adat Law in Indonesia // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 2001. Vol. 167. No 2/3. P. 167—195.
20. *Dupret B.* Legal Traditions and State-Centered Law: Drawing from Tribal and Customary Law Cases of Yemen and Egypt // *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century* / Chatty D. (ed.). London: Brill, 2006. P. 280—301.
21. *Greif A.* Commitment, Coercion, and Markets: The Nature and Dynamics of Institutions Supporting Exchange // *Handbook of New Institutional Economics* / C. Ménard, M. Shirley (eds.). Amsterdam: Springer, 2005. P. 727—786.
22. *Griffiths J.* What is Legal Pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. 1986. Vol. 24. No 1. P. 1—55.
23. *Grossman S. J., Hart O. D.* The Costs and Benefits of Ownership: a Theory of Vertical and Lateral Intergration // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. No 4. P. 691—719.
24. *Moore S. F.* Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject for Study // *Law and Society Review*. 1973. Vol. 7. No 4. P. 719—746.
25. *North D. C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
26. *Pejovich S.* The market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe // *Economic Institutions, Markets and Competition* / B. Dallago, S. Mittone (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 1996. P. 111—126.
27. *Pospisil L.* Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies // *Conflict Resolution*. 1967. Vol. 11. No 7. P. 2—26.
28. *Salim A.* Dynamic Legal Pluralism in Indonesia: the Shift in Plural Legal Orders of Contemporary Aceh // *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Papers*. 2009. No 110.
29. *Smith M.* Corporations and Society. London: Duckworth, 1974.
30. *Tamanaha B. S.* A Non-Essentialist Version of Legal Pluralism // *Journal of Law and Society*. 2000. Vol 27. No 2. P. 296—321.
31. *Woodman G.* Ghana: How Does State Law Accommodate Religious, Cultural, Linguistic and Ethnic Diversity? // *Cultural Diversity and the Law: State Responses from Around the World* / M.-C. Foblets, J.-F. Gaudreault-Desbiens, A. D. Renteln (eds.). Brussels: Bruylant, Éditions Yvon Blais, 2010.

Konstantin KAZENIN, Cand. Sci. (Philol.), senior researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, bld. 1, prosp. Vernadskogo, Moscow, 117517, Russian Federation). E-mail: kz@iet.ru.

Perspectives of the Institutional Approach to Legal Pluralism: The Case of North Caucasus

Abstract

The paper suggests an institutional approach to coexistence of different legal systems (or their elements) within one society, usually called legal pluralism. It is argued that contemporary institutional theory gives an account for the existence of competing legal norms in a social system. The institutional theory expects legal pluralism to be observed when legal norms from different systems have their own beneficiaries, enforcement, etc. It is shown in the paper that this expectation is borne out for rather intricate legal pluralism phenomena in Russian North Caucasus. The study of land property regulation in a village of Daghestan, based on the author's field research, demonstrates that elements of non-state legal systems (Sharia law, traditional law) are active if and only if they get a substantial support as institutional norms. This is the reason both for existence of legal pluralism and for lack thereof in various realms of legal regulation.

Key words: institutional theory, legal pluralism, North Caucasus.

References

1. Aglarov M. A. Sel'skaja obshchina pod reformami XIX — pervoj tretej XX v. [Rural community before the reforms of the 19th — the first third of the 20th century]. In: Bobrovnikov V. O. (ed.) *Obychaj i zakon v pis'mennyx pamjatnikax narodov Dagestana V — nachala XX v.* [Custom and law in literary documents of the peoples of Dagestan of the 5th — beginning of 20th centuries]. Moscow: Mardzhani Publ., 2009, pp. 26-39.
2. Albogachieva M.-S.-G. Osobennosti vzaimodejstvija Rossijskoj sudebno-pravovoj sistemy i tradicionnyx pravovyx institutov ingushskogo obshchestva [Aspects of interaction between the Russian judiciary system and the traditional legal institutions of the Ingush society]. In: Karpov Ju. Ju. (ed.) *Obshchestvo kak objekt i subjekt vlasti: ocherki po politicheskoj antropologii Kavkaza* [The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2012, pp. 142-208.
3. Bobrovnikov V. O. Pravovoj pljurizm dagestanskogo adata [Legal pluralism of the Dagestani traditional law]. In: Bobrovnikov V. O. (ed.) *Obychaj i zakon v pis'mennyx pamjatnikax narodov Dagestana V — nachala XX v.* [Custom and law in literary documents of the peoples of Dagestan of the 5th — beginning of 20th centuries]. Moscow: Mardzhani Publ., 2009.
4. Kapustina E. L. Vybery v sel'skom Dagestane: politicheskoe sobytie kak element social'noj zhizni [Elections in rural Dagestan: a political event as an element of social life]. In: Karpov Ju. Ju. (ed.) *Obshchestvo kak objekt i subjekt vlasti: ocherki po politicheskoj antropologii Kavkaza* [The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2012, pp. 32-60.
5. Karpov Ju. Ju. Gornoe dagestanskoe selenie: ot tradicionnogo dzhamata k nyneshnemu social'nomu obliku [Mountain village of Dagestan: from the traditional community towards the contemporary social profile]. In: Shtyrkov S. A. (ed.) *Severnyj Kavkaz: Tradicionnoe sel'skoe obshchestvo — social'nye roli, obshchestvennoe mnenie, vlastnye otnoshenija* [North Caucasus: traditional rural society — social roles, public opinion, authority]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 5-74.
6. Karpov Ju. Ju. Tradicionnye gorsko-kavkazskie obshchestva: k probleme osobennostej funkcionirovanija v svete istorii interpretacij [Traditional mountain communities in the Caucasus: functioning in light of the history of interpretations]. In: Karpov Ju. Ju. (ed.) *Tradicii narodov Kavkaza v menjajushchemsja mire: preemstvennost' i razryvy sociokul'turnyx praktik* [Traditions of the peoples of the Caucasus in the changing world: continuity and gaps in sociocultural practices]. St. Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2010, pp. 121-187.
7. Karpov Ju. Ju., Kapustina E. L. *Gorcy posle gor* [Mountaineers after the mountains]. St. Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2011.
8. Magomedsalikhov Kh. G. *Konflikty v obshchestvennyx otnoshenijax gorcev Dagestana: tradicii i transformacii v period sovetskoj modernizacii* [Conflicts in social relations between mountaineers of Dagestan: traditions and transformation in the period of Soviet modernisation]. Makhachkala: Alef Publ., 2012.
9. Mamsurov Sh. M., Mamsurova A. G. *Social'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie severo-zapadnogo Dagestana v konce XVIII — pervoj polovine XIX veka (na primere Salatavskogo sojuza sel'skix obshchin)* [Socioeconomic and political development of north-western Dagestan in the end of the 18th — first half of the 19th centuries (the case of Salatau rural union)]. Makhachkala, 2011, pp. 66-81.
10. North D. Institucional'nye izmenenija: ramki analiza [Institutional changes: the framework of the analysis]. *Voprosy ekonomiki*. 1997, no 3, pp. 6-17.
11. Pavlova O. S. *Inhushskij etnos na sovremennoj etape (cherty social'no-psichologicheskogo portreta)* [Ingush people today: elements of socio-psychological portrait]. Moscow: Forum Publ., 2012.
12. Roshchin M. A. Islam in Chechnya [Islam in Chechnya]. In: Demencova E. D. (ed.) *Islam v Evrope i v Rossii* [Islam in Europe and in Russia]. Moscow: Mardzhani Publ., 2009, pp. 215-229.

13. Bobrovnikov V. O., Babich I. L. (eds.). *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj Imperii* [The North Caucasus in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007.
14. Sokolov D. V. *Zatoplennyj mir kojsubulincev: Elektrichestvo v obmen na abrikosy* [The flooded world of Koisubalu: Electricity for apricots]. In: Karpov Ju. Ju. (ed.) *Obshchestvo kak objekt i subjekt vlasti: ocherki po politicheskoj antropologii Kavkaza* [The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus]. St. Peterburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2012, pp. 61-90.
15. Sokolov D. V. *Konkurencija social'no-ekonomicheskix ukkladov: dzhammat protiv kolkhoza* [Competition of socioeconomic modes: zhamaat against kolkhoz]. In: Sokolov D. V., Magomedov Kh. G. (eds.). *Dvadcat' let bez kolkhozov* [Twenty years without a Kolkhoz]. Moscow: RAMCOM Publ., 2013, pp. 7-30.
16. Sulaev I. Kh. *Gosudarstvo i musul'manskoe dukhovenstvo v Dagestane: istorija vzaimootnoshenij (1917-1991 gg.)* [State and moslem clergy in Daghestan: a history of relations (1917-1991)]. Makhachkala, 2009.
17. Shtyrkov S. A. *Progressivnye narodnye tradicii: obretenie i izobretenie (sluchaj Severo-Osetinskoj ASSR v 1960-e gody)* [Progressive ethnic traditions: obtaining and invention (the case of North Ossetia in the 1960s)]. In: Karpov Ju. Ju. (ed.) *Obshchestvo kak objekt i subjekt vlasti: ocherki po politicheskoj antropologii Kavkaza* [The society as the object and the subject of power: essays of political anthropology of the Caucasus]. St. Peterburg: Peterburgskoje vostokovedenie Publ., 2012, pp. 209-246.
18. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Institutions as the fundamental cause of long-run growth. National Bureau of Economic Research Working Papers*, 2004, no. 10481.
19. von Benda-Beckmann F., von Benda-Beckmann K. *Myths and stereotypes about adat law: A reassessment of Van Vollenhoven in the light of current struggles over adat law in Indonesia. Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 2001, vol. 167, no 2/3, pp. 167-195.
20. Dupret B. *Legal Traditions and State-Centered Law: Drawing from Tribal and Customary Law Cases of Yemen and Egypt*. In: Chatty D. (ed.). *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century*. London: Brill, 2006, pp. 280-301.
21. Greif A. *Commitment, Coercion, and Markets: The Nature and Dynamics of Institutions Supporting Exchange*. In: Ménard C., Shirley M. (eds.). *Handbook of New Institutional Economics*. Amsterdam: Springer, 2005, pp. 727-786.
22. Griffiths J. *What is Legal Pluralism? Journal of Legal Pluralism*, 1986, vol. 24, no. 1, pp. 1-55.
23. Grossman S. J., Hart O. D. *The Costs and Benefits of Ownership: a Theory of Vertical and Lateral Intergration. Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 4, pp. 691-719.
24. Moore S. F. *Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject for Study. Law and Society Review*, 1973, vol. 7, no. 4, pp. 719-746.
25. North D. C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
26. Pejovich S. *The market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe*. In: Dallago B., Mittone S. (eds.). *Economic Institutions, Markets and Competition*. Cheltenham: Edward Elgar, 1996, pp. 111-126.
27. Pospisil L. *Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies. Conflict Resolution*, 1967, vol. 11, no. 7, pp. 2-26.
28. Salim A. *Dynamic Legal Pluralism in Indonesia: the Shift in Plural Legal Orders of Contemporary Aceh. Max Plank Institute for Social Anthropology Working Papers*, 2009, no. 110.
29. Smith M. *Corporations and Society*. London: Duckworth, 1974.
30. Tamanaha B. S. *A Non-Essentialist Version of Legal Pluralism. Journal of Law and Society*, 2000, vol. 27, no. 2, pp. 296-321.
31. Woodman G. *Ghana: How Does State Law Accommodate Religious, Cultural, Linguistic and Ethnic Diversity?* In: Foblets M.-C., Gaudreault-Desbiens J.-F., Renteln A. D. (eds.). *Cultural Diversity and the Law: State Responses from Around the World*. Brussels: Bruylant, Éditions Yvon Blais, 2010.